«ЖЕНСКАЯ ТЕМА» В ИТАЛЬЯНСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРОПОВЕДИ

А.В. Топорова

Как известно, отношение к женщине в Средние века было двойственным и противоречивым, что отразилось и в литературе этой эпохи. Оценка женщины у христианских авторов неоднозначна. Так, Тертуллиан напоминает о вине Евы, постигшей весь женский род, но считает возможным преодоление женских недостатков в духовном браке. Если св. Иероним определенно суров в отношении к женщинам, то Августин подчеркивает, что мужчина и женщина вместе несут ответственность за грехопадение. Амвросий Медиоланский отмечает, что мужчина и женщина различаются лишь телом, а не душой; что женщина должна уважать мужа, но не служить ему. Прямо противоположна позиция Фомы Аквинского, для которого женское начало — телесное, мужское — духовное, а женщина создана для помощи мужу, должна быть подчинена ему, так как уступает ему физически, нравственно и интеллектуально[1].

Средневековая городская литература характеризуется значительно более негативным отношением к женщине. Достаточно вспомнить латинские песни-поношения женщин, вагантскую поэзию, французские фаблио, вторую часть «Романа о Розе» и его итальянскую переделку конца XIII в. поэму «Цветок», французское сочинение «Пятнадцать радостей брака», повествующее о пороках неверных жен. Особенно преуспела на этом поприще новеллистика. Немало примеров женских пороков приводит Боккаччо, Мазуччо, Саккетти. Перу Боккаччо принадлежит также резко антифеминистический трактат «Корбаччо», хотя, впрочем, им же написан и трактат «О знаменитых женщинах».

Словом, антиномичность, свойственная средневековой культуре в целом, проявляется и в отношении к женщине. В связи с этим весьма характерен знаменитый «Трактат о любви» Андрея Капеллана, подводящий своеобразный теоретический итог средневековым представлениям о любви и женщине. Он состоит из трех частей, две из которых посвящены анализу куртуазной любви, воспринимаемой как благо; а третья — осуждению чувственной любви. Женщина наделяется в трактате всеми возможными пороками: она скупа, завистлива, ревнива, злоязычна, болтлива, прожорлива, лжива, склонна к стяжательству, неверна, непослушна, суетна, тщеславна, горда, распутна, сладострастна.

Аналогичное разделение представлено и в лирике. В куртуазной поэзии преобладает ориентация на возвышенную любовь и «идеальную» даму. Если у трубадуров наряду с высокой *fin amor* имеет место и *fol amor*, безумная, чувственная страсть, то у поэтов сицилийской школы намечается сублимация любовного чувства и тенденция к ангелизации донны. Это процесс, достигший вершины у поэтов нового сладостного стиля и в «Божественной комедии» Данте. Комическая же поэзия отражает другой полюс восприятия любви и женщины. Женщина прочно отождествляется в ней с грехом, женское тело рассматривается как излюбленное место пребывания дьявола.

Антифеминизм находил отражение и в повседневной практике городской жизни. Неверную жену ожидало суровое наказание — большой штраф или тюремное заключение; на мужчину эти законы не распространялись. Рождению девочек радовались значительно меньше, чем появлению на свет детей мужского пола, их рекомендовалось хуже кормить, их воспитанию и образованию уделялось минимальное внимание[2]. Даже Франческо да Барберино, автор отнюдь не антифеминистического трактата «Поведение и обычаи женщин», выражает сомнение в том, насколько хорошо всем женщинам уметь читать и писать. Паоло да Чертальдо, автор «Книги о хороших обычаях», рекомендует главе семьи строго контролировать поведение женщин, в частности, чаще возвращаться домой среди дня и проверять, работают ли они.

---

[1] См. подробнее: *Рябова Т.Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999.

[2] *Antonetti A.* La vita quotidiana a Firenze ai tempi di Dante. Milano, 1983. P. 63, 90.

Средневековые проповедники были, разумеется, носителями того же самого сознания. Однако только следовать «образцам» того или иного отношения к женщинам они не могли, так как имели дело не с литературными моделями, а с конкретными людьми, слушавшими их проповеди. Учитывая и отражая общие умонастроения, они тем не менее ориентировались на непосредственно возникавшие проблемы городской жизни и нравственности. Меняющаяся действительность приводила к изменению стереотипов, что хорошо видно на примере развития «женской темы» в проповедях двух знаменитых итальянских проповедников Джордано да Пиза и Бернардино да Сиена. Выбор именно этих двух фигур не случаен. С именем Джордано да Пиза связано начало проповеди на итальянском языке, формирование самостоятельной манеры проповеди, ориентирующейся не только на латинские образцы, но и на требования времени. А Бернардино да Сиена завершает «средневековый» этап итальянской проповеди, реформирует средневековую традицию, подводит ее своеобразный итог. Интересно проследить те изменения, которые произошли в восприятии и трактовке средневековыми проповедниками «женской» темы за сто с небольшим лет.

Первый дошедший до нас корпус проповедей на итальянском языке принадлежит доминиканскому монаху Джордано да Пиза (1260–1311). Разумеется, проповеди на вольгаре, народном языке, произносились и раньше, но у Джордано отказ от латыни и выбор вольгаре стал сознательным шагом: развивающееся и богатеющее общество городских коммун столкнулось с целым рядом дотоле не известных ему нравственных проблем. И в связи с этим переход на всем понятный язык сделал проповедь мощным средством влияния на общественное мнение.

Формирование Джордано да Пиза как проповедника в полной мере отражает процесс перехода от латинской «ученой» проповеди, читаемой в университетах или в особых школах (*studia*), предназначенных, строго говоря, для специалистов, к проповеди на родном языке. Она произносилась в церквях и на площадях и была обращена к широкой, часто неоднородной аудитории с целью воздействия на нее в определенном направлении. Уникальность опыта Джордано да Пиза как раз и заключается в органичном соединении двух культур, двух языков, двух проповеднических установок, теоретической и практической.

Скудные биографические данные, известные нам о Джордано, не позволяют до конца понять причины небывалого успеха его проповедей, засвидетельствованного, в частности, и в Хронике доминиканского монастыря св. Екатерины в Пизе, где Джордано начинал свой монашеский путь. Как отмечает Хроника, проповеди Джордано собирали большое количество слушателей и многих обращали к Богу; люди оставляли свои пороки, проливали горькие слезы покаяния и изменяли свою жизнь. Косвенным свидетельством успеха проповедей Джордано да Пиза является и то, что они усердно становились его слушателями, благодаря чему и дошли до наших дней, хотя не в оригинале, а в записи. Вероятно, проповеди записывали его ученики по доминиканским школам, собратья по Ордену, члены религиозных объединений мирян при доминиканских монастырях Санта-Мариа Новелла во Флоренции и св. Екатерины в Пизе. Иными словами, люди, подготовленные, поскольку уровень передачи, насколько об этом можно судить, достаточно высокий: записывающие донесли до нас не только содержание проповедей, но и стиль, особенности языка Джордано; похоже, что запись дословная, во всяком случае очень подробная.

Несомненная заслуга Джордано да Пиза заключалась в том, что у него получилось завоевать разнородную, душевно и духовно неразвитую аудиторию, открыть для нее богатство богословской мысли. Он смог обращаться к ней на том языке, который был ей понятен, говорить о вещах, ей интересных, не отступая при этом от своей главной цели, которая была двоякой. С одной стороны, требовалось распространить христианское учение, сделать его близким, понятным, жизненно необходимым, с другой стороны, научить этике личного и общественного поведения[3*].

Джордано да Пиза в проповеднической деятельности следовал установкам, которые были заданы в известных трактатах, посвященных проповеди, такими учителями, как Алан де Лилль, Гийом Овернский, Иаков Витрийский, Умберто ди Ро-

[3*] За восемь лет проповеднической деятельности (с 1303 по 1311 г.) Джордано да Пиза произнес около тысячи проповедей. Корпус его проповедей включает в себя проповеди на воскресные евангельские чтения, великопостные циклы, цикл, прочитанный Рождественским постом, проповеди на книгу Бытия (вторую и третью главы; на первую утрачены), цикл на «Символ веры», проповеди, посвященные святым, а также проповеди на разные цитаты из Священного Писания.

манс, а также другими, писавшими, в частности, об умении распознавать кому, когда и что следует проповедовать. Джордано, несомненно, обладал этой особой чуткостью проповедника, побуждавшей его говорить о наиболее животрепещущих для его аудитории вещах.

При всей многогранности и разнообразии проповедей Джордано да Пиза их главной темой является грех и покаяние как средство преодоления греха. Подобно древним учителям Церкви, а также средневековым религиозным писателям (и тех и других доминиканский проповедник глубоко изучил), Джордано анализирует грех в его сущности, причинах, проявлениях, в его влиянии на душу и в его страшных последствиях, т.е. теоретически и практически. Наряду с рассуждениями общего характера много места в проповедях Джордано уделено конкретным грехам, и здесь обличительный пафос проповедника обращен против наиболее распространенных пороков его современников, в частности против богатства.

Нельзя сказать, что Джордано да Пиза осуждает богатство как таковое, он никогда не призывает своих слушателей к бедности: времена ориентации на раннехристианские идеалы прошли; к тому же Джордано, чуткий к процессам, протекавшим в современном ему обществе, прекрасно понимал неуместность такого рода призывов. Он проводит разделение между праведным и неправедным богатством, добрым и злым богачом (*lo ricco buono — lo ricco rio*), ссылаясь на примеры Давида и Иова, обладавших немалыми богатствами. Следуя святоотеческой мысли (Джордано цитирует св. Иеронима), развиваемой и Фомой Аквинским, о неверном использовании вещи, об извращении ее первоначального предназначения, Джордано оправдывает богатство, если оно используется в благих целях и осуждает его неразумное применение[4].

Примером неправильного использования богатства является расточительство, удовлетворение ненасытного стремления к роскоши. И здесь объектом критики оказываются в первую очередь женщины. Джордано обвиняет их в нескромности, суетности, излишествах; особенно часто говорит он об излишествах в одежде:

«...però che rovini li altri, tu femina, ché infiammi l'anime altrui coi vestiti dilicati. Unde ella fa peggio che se ella ardesse case, però che questi dilecti dilicati fanno l'omo et la femina pigri et accidiosi, ché non vengono in santo, né ad li officij divini. ... Aprano li occhi le donne che portano troppi ornamenti, et considerino quanti peccati mortali ànno già facti per queste cose»[5].

«...ибо ты губишь других, женщина, потому что ты разжигаешь души других изысканной одеждой. Она поступает хуже, чем если бы она поджигала дома, ибо изысканные наслаждения делают мужчину и женщину ленивыми и унылыми, так что они не посещают ни святые места, ни божественные службы... Да откроют глаза женщины, носящие излишние украшения, и подумают, сколько смертных грехов они уже совершили из-за них».

Упрекает Джордано и мужей, потакающих своим женам в их страсти красиво одеваться:

«Vedete s'è bene legato, che per amore d'una femina farà mille pazzie: diceragli altressì la moglie di volere molte ciuffole, che fiero di grande spesa, e egli, però che ll'ama troppo, gliele consentirà e daraglile, e metterassi a fare i mali guadagni per lei»[6].

«Посмотрите, как крепко связан человек, из любви к женщине совершающий тысячу безумств: скажет ему жена, что она желает множество дорогих нарядов, а он, поскольку чрезмерно любит ее, согласится и даст их ей, а для этого начнет неправедно зарабатывать для нее».

Женская суетность и тщеславие плохи прежде всего потому, объясняет своим слушателям Джордано, что они отвлекают от Бога; проповедник упрекает женщин в том, что те готовы променять царство Божие на шубу ("*Unde per uno palmo di cuoio di pelliccia ch'elle ànno, perdono il regno di Dio*"[7]). Он призывает их противостоять дьяволу, искушающему их красотой лица, богатством нарядов, украшениями.

Надо сказать, что в цикле проповедей на третью главу книги Бытия, где Джордано предлагает

[4] «Quando elli scialacqua li beni suoi, donandoli ai buffoni che diceno male, e non li usa bene faccendone limosine et altri beni, questi ricco è dannato, pert che non li è conceduto ad poterli cosм male usare, pert che Dio n'è signore et quelli n'è ministro et ministratore di quelli beni» — «Если богатый человек расточает свои богатства, раздавая их злословящим шутам, а не употребляет их на милостыню и добрые дела, тогда он осужден, ибо ему не позволено так плохо использовать их, потому что господин их — Бог, а он Его служитель и управляющий этими богатствами» (*Giordano da Pisa*. Prediche inedited. Pisa, 1997. XV).

[5] Ibid. XV.

[6] *Giordano da Pisa*. Avventuale fiorentino 1304. A cura di S. Serventi. Milano, 2006. III.

[7] Prediche inedite. Op. cit. IV.

своим слушателям (а в данном случае, это была не обычная городская аудитория, а, судя по всему, более подготовленная в теологическом отношении публика — монахи, слушатели монастырских школ, будущие проповедники) богословский анализ истории грехопадения, нет ни тени антифеминизма. Грехопадение — общечеловеческая беда и вина и, в отличие от многих средневековых богословов, Джордано не склонен перекладывать ответственность за него на одну Еву. Фразу за фразой объясняет доминиканский проповедник это ключевое место Священного Писания, не прельщаясь легкой возможностью найти виновника происшедшего: его анализ значительно глубже, он затрагивает онтологическую сущность греха, а не его поверхностные проявления.

Анализ проповедей Джордано показывает, что «женской темы» как таковой в них нет, есть лишь отдельные упоминания о грехах и проступках, совершаемых прежде всего женщинами. В отличие от многих средневековых проповедников (вспомним хотя бы антифеминистические выпады в трактате «Наставления в семейных делах» доминиканского богослова и проповедника Джованни ди Доменико Доминичи или яркие примеры женских пороков, приводимые Якопо Пассаванти в «Зерцале истинного покаяния», трактате, построенном на основе проповедей) Джордано да Пиза анализирует распространенные среди его сограждан пороки и грехи вне зависимости от пола их носителей. Клеймя типично «женские» пороки, Джордано не возлагает вину исключительно на женщин, но обличает также и мужчин, не препятствующих порочным страстям своих жен. Умный проповедник и хороший знаток человеческой природы Джордано да Пиза заботится в первую очередь о завоевании сердец своих слушателей и об исправлении их жизни, задача, для решения которой неприменимы общие схемы.

В проповедях необычайно популярного францисканского проповедника Бернардино да Сиена (1380–1444), проповедовавшего по всей Италии в течение сорока лет и признанного не только слушателями, но и церковной иерархией (ему неоднократно предлагались высокие должности, в том числе епископская кафедра, от которой он отказался), почитавшегося реформатором самой манеры проповедовать[8*], «женская тема» занимает важное место. Где бы он ни проповедовал, он вновь и вновь говорит своим слушателям о том, какой должна быть женщина, о семье, о браке. Его позицию в этом вопросе можно назвать одновременно традиционной и новаторской, отражающей новый этап общественного и культурного развития, характеризующегося иным, по сравнению со средневековьем, отношением к женщине. Прежде всего, надо отметить, что Бернардино постоянно обращается к женщинам, выделяя их среди прочих слушателей. Женщины, конечно, составляли большую часть аудитории, но ни у кого из проповедников не возникало тем не менее желания обращаться именно к ним, проповедь была или безличной или ориентированной на мужчин. Обращения Бернардино к женщинам носят обыденный, «сиюминутный» характер (в отличие, скажем, от патетических обращений к «возлюбленным согражданам», “*concittadini diletti*”): то Бернардино призывает своих слушательниц не болтать во время проповеди или даже не спать, то делает замечания по поводу их внешнего вида, то призывает приводить на проповеди своих детей, часто именно дочерей.

Особое место в проповедях Бернардино занимает тема места женщины в семье, в доме; и тут женщина, если и не равна мужчине в современном представлении, то во всяком случае имеет самостоятельную и равноценную мужской позицию: она хозяйка дома, устроительница семейной жизни, хранительница очага:

[8*] Современники Бернардино, его ученики и последователи в первую очередь, а вслед за ними и потомки, отмечали его новаторскую манеру проповедовать, заключавшуюся, по их мнению, в отходе от «университетских» схем и приближению к живой беседе со слушателями. И хотя связь стиля Бернардино с указаниями, предлагаемыми в *Artes praedicandi*, очевидна, тем не менее его живая, динамичная и порой театрализованная манера проповедовать действительно отличалась значительно большей свободой и гибкостью, готовностью применяться к обстоятельствам (т.е. к аудитории), чем у кого бы то ни было другого в его время (*Zafarana Z.* Bernardino nella storia della predicazione // Bernardino predicatore nella società del suo tempo. Todi, 1976. P. 39–70). Вспомним еще одно «новаторство» Бернардино да Сиена, стоившее ему обвинений в ереси и процесса, на котором ему удалось, однако, оправдаться: стремясь привлечь внимание своей аудитории к молитве, необходимости произносить имя Иисусово, Бернардино показывал своим слушателям табличку, на которой были начертаны первые буквы имени Иисуса Христа, окруженные лучами солнца. Сохранились изображения Бернардино, возвышающегося на кафедре с протянутой вперед рукой, сжимающей такую табличку

“Che è una casa che non vi sia donna? E’ casa di rovina e di porcineria. La donna è cagione di farti i figlioli, e allevargli, e governargli, e aiutarli nelle infermità. Tutta la fatica de’ figliuoli è della donna. E se infermi tu, ella ti governa con fede, e amore, e carità, e inverso el corpo e in verso l’anima... Ancora ti dico piщ ch’ella è guardia e massaia della tua roba. Tu stai fuora e guadagni ed ella in casa e conserva la roba. E’ così buono alcuna volta el conservare el guadagnato, che non è el guadagnare. Se tu, marito, guadagni e non ài chi conservi, la casa va male. Non avendo donna, la roba tua va male”[9].

«Что это за дом без женщины? Одна разруха и свинство. Женщина рожает тебе детей, растит, воспитывает их, выхаживает в болезнях. Весь труд, связанный с детьми, лежит на женщине. А если ты болен, она служит тебе с верностью, любовью, милосердием, и в отношении тела, и в отношении души ... Еще скажу тебе, что она хранительница и хозяйка твоего добра. Ты находишься вне дома и зарабатываешь, а она в доме и хранит добро. Порой сохранять заработанное столь же хорошо, сколь зарабатывать его. Если ты, муж, зарабатываешь, а у тебя нет никого, кто бы это сохранял, то дом устроен плохо».

В другой проповеди Бернардино еще более подробно расписывает домашние обязанности женщины:

“Ella ha cura al granaio; ella il tiene netto, che non vi possa andare niuna bruttura. Ella conserva i coppi dell’olio, ponendo mente: — questo è da lograre, e questo è da serbare. — Ella il governa, sì che non vi possa cadere nulla su, e che non v’entri né cane, n altra bestia. Ella pon mente in ogni modo che ella sa, o può, che eglino non si versino. Ella governa la carne insalata, sì al salarla, e sì poi al conservarla. Ella la spazza e procura: — questa è da vendare, questa è da serbare. — Ella fa filare, e fa poi fare la tela del pannolino. Ella vende la sembola, e de’ denari riscuote la tela. Ella pone mente alle botti del vino; se ella vi trova rotte le cerchia, e se elle versano in niuno luogo. Ella procura a tutta la casa”[10].

«Она заботится об амбаре; содержит его в чистоте, чтобы ничто плохое туда не попало. Она хранит кувшины с маслом, рассуждая так: это надо использовать, а это сохранить. — Она следит за тем, чтобы ничто не попало туда, и чтобы до них не добралась ни собака, ни какое другое животное. Насколько она умеет и может, она всячески заботится о том, чтобы масло не пролилось. Она заботится о засоленном мясе, и как солить его, и как хранить. Она его моет и принимает решение: это надо продать, а это сохранить. — Она следит, чтобы пряли, а из полотна делали холст. Она продает отруби, а на (вырученные) деньги покупает ткань. Она заботится о бочках с вином; не полопались ли обручи и не проливается ли вино. Обо всем в доме заботится она».

Надо сказать, что такое восприятие роли женщины вполне соответствует представлениям той купеческой среды, для которой и предназначались в значительной мере проповеди Бернардино. Развитие городов и рост торговли в первой половине XV в. отражались и на изменении городского сознания, в частности, представлений о роли женщины. Если прежде в городской и дидактической литературе преобладали ходульные отрицательные высказывания о женщинах, то в уже в первой половине XV в. взгляд на женщину меняется: хулительные мотивы, как правило, схематичные и абстрактные, отступают на второй план, а на первое место выдвигается конкретный анализ роли женщины в обществе[11]. Поэтому неудивительно, что взгляды Бернардино перекликаются с идеями, изложенными в «Книге о семье» Л.Б. Альберти.

Великий гуманист считал, что женщина должна быть добропорядочной и аккуратной хозяйкой дома (все ставить на место, чтобы нужная вещь всегда была под рукой, но не загромождать дом), в ее руках должны находиться все ключи от дома, покупки же делает муж по списку жены, чем достигается экономия и приобретение продуктов хорошего качества. Сходны также представления Бернардино и Альберти о критериях выбора жены — она должна быть доброго нрава, хорошего поведения, способна рожать и растить детей. Все чаще появляются в литературе примеры женской добродетели. В анонимном итальянском трактате XV в. «Защита женщин» утверждается идея равенства мужской и женской природы. Веспасиано да Бистиччи приводит в «Жизнеописании знаменитых людей XV в.» рассказ о Франческе Аччайюоле, сумевшей уберечь свою семью в трудных обстоятельствах. Об обязанности женщины быть хорошей хозяйкой упоминает и Саккетти (новелла 123).

Немалое внимание уделяет Бернардино в своих проповедях теме брака и вопросам семейной этики. В латинской проповеди «О браке правильном, беспорядочном и раздельном» (“*De matrimonio regulato, inordinato et separato*”) Бернардино перечисляет обязанности мужа по отношению к жене (учить, исправлять, жить вместе, содержать — *instruere*, *corrigere*, *cohabitare*, *substentare*); жены по отношению к мужу (бояться, служить, слушаться, советовать — *timere*, *servire*, *obedire*, *admonere*; и взаимные

[9] *Bernardino da Siena*. Le prediche volgari [Quaresimale fiorentino del 1424]. Pistoia, 1934. A cura di C. Cannarozzi. Pistoia, 1934. V. I. P. 419.

[10] *Bernardino da Siena*. Prediche volgari sul campo di Siena 1427. A cura di C. Delcorno. Milano, 1992. XIX.

[11] См.: *Фрэнси и Джозеф Гис*. Брак и семья в Средние века. М., 2002.

обязанности (наслаждение, доверие, почитание, супружеский долг — *dilectio*, *fides*, *honor*, *debitum coniugale*)[12*]. В другой проповеди (сиенский цикл 1427 г., XX) он поднимает вопрос, всегда ли жена должна соглашаться выполнять свой супружеский долг, и указывает правила, которые необходимо выполнять, а именно: не нарушать границы брака, цель которого — дети; не действовать против природы; соблюдать установленное для этого время. Здесь Бернардино вполне традиционен, в женщине он ценит прежде всего ее умение быть помощницей мужу. Отмечая, что женщина более склонна к греху, чем мужчина, он приходит к заключению, что добродетель в женщине выше и ярче, чем в мужчине.

Бернардино выделяет три возможных состояния для женщин: дева, жена, вдова и отдает безусловное предпочтение первому из них. У него есть немало проповедей, посвященных добродетели девства, и Деве Марии — как ее идеалу. В одной из проповедей (проповедь XXX из сиенского цикла 1427 г.) он обращается с подробными увещаниями к девушкам, поучая их, в чем именно они должны подражать Богоматери). Но когда Бернардино говорит о браке, он ставит его весьма высоко, если это «правильный» брак. Он резко выступал против взглядов доминиканца Манфреди да Верчелли и его последователей, проповедовавших скорое пришествие Антихриста и в связи с этим отказ от брака[13]. Проповедь христианского брака во всех его аспектах (даже тех, о которых никогда не говорилось с кафедры, Бернардино неоднократно подчеркивает новизну и «смелость» своих выступлений на эту тему) была обусловлена, в частности, резким демографическим спадом после эпидемии чумы и голода, унесших жизни огромного числа горожан.

Бернардино рассматривает брак прежде всего в его социальной функции: семья должна быть большой, жена обязана помогать мужу в разветвленном хозяйстве. Хорошая жена должна быть доброй, мудрой, смиренной, исполненной любви, надежды, веры, смирения, чувства справедливости, терпения, как перечисляет Бернардино в своей знаменитой проповеди XIX из сиенского цикла 1427 г. «О том, как муж должен любить жену, а жена мужа»; к тому же она должна быть способной к рождению детей; к такой жене муж испытывает самую нежную любовь и дружбу. Бернардино предостерегает девушек, чтобы они не выходили замуж за тех мужчин, которые больше ценят их имущество, чем их самих. Говоря о радостях брака, Бернардино упоминает не только о «естественном удовольствии», но и об утешении в скорбях и о духовном услаждении. Перед женщиной Бернардино ставит еще одну важную задачу: жена должна удерживать мужа от греха содомии, и здесь Бернардино становится весьма суровым. Этот порок был весьма распространен в средневековом обществе, что нашло отражение и в литературе (достаточно вспомнить дантовскую «Божественную комедию», где содомиты караются в одном из кругов ада; или новеллистику, а также проповеди)[14]. Бернардино, не устающий клеймить этот сугубо мужской порок, неожиданно резко обращается и к женщинам, перекладывая на них значительную часть вины: мужья становятся содомитами из-за того, что жены вызывают у них отвращение. Более того, Бернардино призывает женщин следить за сыновьями и не выпускать их из дома, чтобы уберечь от этой опасности:

"O donne, fate voi che non mandiate piщ attorno i vostri figlioli; mandate le vostre figliole che non v'è pericolo niuno, se voi le mandate tra tali genti. Elle non vi saranno contaminate di nulla; e se pure esse fussero prese e disonestate, almeno non v'è elli tanto pericolo e tanto peccato quanto è quello. Se altro modo non c'è io vi consento questo per meno male"[15*].

«О женщины, не пускайте больше своих сыновей расхаживать вокруг; лучше посылайте своих дочерей, ибо им не грозит никакой опасности, если вы посылаете их среди людей. Они ничем не будут затронуты; а если все-таки их возьмут и обесчестят, то, во всяком случае, будет меньше опасности и греха, чем в первом случае. И если другого выхода нет, то я советую вам этот, как меньшее зло».

Такого рода заявления, сказанные очевидным образом в полемическом запале и действительно звучащие диссонансом по сравнению с общим

[12*] На представления Бернардино о браке оказали влияние идеи провансальского богослова Петра Иоанна Оливи.

[13] *Rusconi R.* S. Bernardino da Siena, la donna e la "roba" // Atti del Convegno storico bernardiniano in occasione del sesto centenario della nascita di S. Bernardino da Siena. L'Aquila, 1980. P. 97–110.

[14] Исследователи видят причины этого явления в том, что брачный возраст для мужчин был по экономическим причинам более поздним, чем для женщин (*Herlihy D., Klapisch-Zuber C.* Les Toscans et leurs familles: Une étude du catasto florentin de 1427. Paris, 1978).

[15*] Проповедь XXXIX из сиенского цикла 1427 г.

тоном его высказываний о женщинах, послужили поводом для обвинений сиенского проповедника в антифеминизме[16]. Но не менее жесткие заявления делает Бернардино в связи с этой темой и по адресу особ мужского пола: "*O benedetti figlioli picoletti che ven'andaste per la morìa, che almeno non fuste contaminati di tal peccato*!" (проповедь XXXIX из сиенского цикла 1427 г.) — «Благословенны маленькие мальчики, унесенные болезнью, по крайней мере, вы не были заражены этим грехом»; и в заключение этой проповеди Бернардино с проклятьями обращается как к матерям, так и к отцам, которые не привели на эту проповедь своих сыновей.

Особый аспект «женской» темы — это выпады против моды, чрезмерно вычурной и дорогой одежды, страсти к украшениям и косметике. Здесь, разумеется, объектом критики становятся в первую очередь женщины, хотя достается и мужчинам, следующим моде. Бернардино постоянно, к месту и не к месту, бичует современную ему моду, в которой он, похоже, не плохо разбирается; он подробно перечисляет порочные, с его точки зрения, тенденции, как то, носить платья с шлейфами, длинные рукава, особого рода замысловатые головные уборы, а также делать высокие прически, напоминающие башни (ср. проповедь XXXIII из сиенского цикла 1427 г.). Вновь и вновь звучит мотив необоснованных трат ради одежды, наживы, ростовщичества, суетности, привязанности к благам мира сего и, как следствие, ожесточения сердца, забвения Бога и ближнего. Здесь Бернардино также находится в русле традиции, и отнюдь не только средневековой. Против следования моде и украшательства себя с помощью искусственных средств писали и говорили многие — Винсент из Бове, Этьен де Бурбон, Дж. Конверсини да Равенна, Л.Б. Альберти[17]. Отличие Бернардино лишь в степени подробности и частоты обращения к этой теме, а также в пафосе, но это общая особенность его стиля: о вещах, представляющихся ему важными, он говорит пылко, порой даже экзальтированно, в театральной манере, сопровождая слова жестами и мимикой, а выводы делает радикальные. Поэтому не следует удивляться, что обличения в следовании моде сопровождаются угрозами неминуемой беды и кары Божией.

Сопоставляя развитие «женской» темы в средневековой проповеди от ее истоков до периода расцвета, предвещавшего и ее конец, а точнее, переход к иным содержательным и формальным структурам, можно сказать, что общее и часто поверхностное отношение к женщине, продиктованное стереотипами того времени, уступает место более конкретному и глубокому анализу «женских» проблем. Как мы видели, у Джордано да Пиза интерес к «женской» проблематике весьма ограничен. Джордано не выделяет женщин как особую группу своих слушателей, не акцентирует внимание на специфически «женских» аспектах рассматриваемых проблем (за минимальным исключением, касающимся вопросов моды), не проводит различия между ролью мужчины и женщины в христианском обществе.

Такая позиция обусловлена как личным восприятием Джордано того, что он считал важным для его современников («женская» тема не входила в число важных), так и отношением к женщине самой эпохи, отводившей ей, безусловно, второстепенную роль. В первой же половине XV в., когда гуманизм завоевывал все большее культурное пространство, ситуация изменилась: женщина стала объектом особого внимания в связи с новым восприятием ее места в обществе (вспомним хотя бы Л.-Б. Альберти). Смена идеологических ориентиров не могла не повлиять на чуткого к проблемам современной ему аудитории Бернардино да Сиена. В его творчестве традиционные проповеднические мотивы звучат более конкретно и лично: женщина рассматривается им не только как активная слушательница его проповедей, передающая затем их содержание домашним (в некотором роде его помощница), но и как объект особого внимания с точки зрения христианской жизни. Бернардино останавливается на тех вопросах нравственности, которые возникают именно перед женщиной; он говорит о ее особой роли в семье и обществе, отличной от мужской. Так, эпоха диктует свои требования, и даже такие «устойчивые» литературные жанры, как проповедь, оказываются подвластными ее влиянию.

© Топорова А.В., 2010

[16] *Magli I.* L'etica familiare e la donna in S. Bernardino // Atti del Convegno storico bernardiniano in occasione del sesto centenario della nascita di S. Bernardino da Siena. L'Aquila, 1980. P. 111–126.

[17] См.: *Рябова Т.Б.* Указ. соч. С. 33.